

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

EDN: LQPVDR

Научная статья / Research Article

Автономия воли с эффектом против третьих лиц как средство гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности в международном частном праве

Е.А. Леонтьева ✉, М.А. Олейников

Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация

✉ eleonteva@hse.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена отсутствием эффективного решения вопроса трансфера права собственности на движимые вещи в трансграничных сделках. Коллизионная привязка *lex rei sitae* не справляется с этой задачей в условиях мобильного конфликта. Использование автономии воли является решением, которое потенциально может быть инструментом преодоления рассматриваемой проблемы. Вместе с тем барьером к широкому признанию автономии воли в качестве такого инструмента являются опасения, состоящие в том, что стороны своим соглашением могут негативно воздействовать на права третьих лиц. Цель статьи – оценить потенциал применения автономии воли как средства гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности на движимые вещи, а также обосновать применения действия правопорядка, выбранного сторонами соглашения против третьих лиц. В ходе исследования использованы общенаучные методы, такие, как анализ, синтез, дедукция, индукция, диалектика, а также специальные юридические методы: догматический и компаративный. Вывод исследования состоит в том, что при использовании автономии воли как инструмента гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности на движимые вещи, права третьих лиц защищены должным образом. Трети лица наделены специальными способами защиты своих прав. В рамках унификации, применительно к ограниченному кругу движимых вещей, вариантом обеспечения защиты прав третьих лиц является регистрационная система. Следовательно, как гармонизация, так и унификация являются эффективным инструментом регулирования трансфера права собственности на движимые вещи. В заключении статьи обозначается потенциальное направление дальнейшего исследования. Оно состоит в определении наиболее оптимального соотношения гармонизации и унификации при урегулировании трансфера права собственности на основе автономии воли, с учетом достоинств и недостатков каждого из решений.

© Леонтьева Е.А., Олейников М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: мобильный конфликт, права третьих лиц, переход права собственности, международные сделки купли-продажи, коллизионное регулирование, автономия воли сторон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Леонтьева Е.А. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Олейников М.А. – сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста. Оба автора ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 17 октября 2024 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

Для цитирования:

Леонтьева Е.А., Олейников М.А. Автономия воли с эффектом против третьих лиц как средство гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности в международном частном праве // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 1013–1030. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

Party autonomy with effect against third parties as a means of harmonizing and unifying regulation of transfer of ownership in the private international law

Elena A. Leontieva^{ID}✉, Mikhail A. Oleynikov^{ID}

HSE University, Moscow, Russian Federation
✉ eleonteva@hse.ru

Abstract. The absence of an effective solution of ownership of movable property in cross-border transactions underscores the relevance of this article. The traditional *lex rei sitae* connecting factor fails to address issues in cases of mobile conflicts. Party autonomy presents a potential tool to overcome this challenge. However, the primary obstacle to its widespread acceptance is the possible adverse impact of parties' agreements on the rights of third parties. This article aims to assess the potential application of party autonomy as a means to harmonize and unify the regulation of the transfer of ownership of movables, and to justify the effect of the parties' chosen legal order on the third-party right. The research employs general scientific methods, including analysis, synthesis, deduction, induction, and dialectics, alongside specific legal methods such as dogmatic and comparative analysis. The study concludes that the party autonomy can serve as an effective instrument for harmonizing and unifying regulations governing the transfer of ownership of movables while adequately protecting third-party rights. Third parties are provided with special mechanisms to safeguard their interests. Within the framework of unification, for certain categories of movables, registration systems may offer a means to ensure protection of third-party rights. Consequently, both harmonization and unification prove to be effective regulatory tools for the transfer of ownership of movables. Finally, the article proposes directions for further research, focusing on determining the optimal balance between harmonization and unification in regulating the transfer of ownership through party autonomy, taking into account the advantages and disadvantages of each approach.

Key words: mobile conflict, third-party rights, transfer of ownership, international sales transactions, conflict of laws regulation, party autonomy

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: Leontieva E.A. – data collection and processing, data analysis, text writing; Oleynikov M.A. – data collection and processing, data analysis, text writing. Both authors reviewed and approved the final version of the article.

Received: 17th October 2024

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Leontieva, E.A., Oleynikov, M.A. (2025) Party autonomy with effect against third parties as a means of harmonizing and unifying regulation of transfer of ownership in the private international law. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 1013–1030. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-1013-1030>

Введение

Право собственности является абсолютным вещным правом, которое позволяет лицу обладать полным господством над вещью, неся при этом соответствующие обязанности. В этой связи установление момента возникновения права собственности приобретает колossalное значение. В национальных правопорядках модели трансфера права собственности на движимое имущество, определяющие необходимый юридический состав для прекращения права собственности у одного лица и ее возникновения у другого, существенно различаются¹. Указанное обстоятельство не создает существенных сложностей при совершении торговых операций в рамках одной юрисдикции. В данном случае проблема необходимости выбора права не поднимается, так как трансфер права собственности регулируется по праву этой юрисдикции.

Однако в международных сделках, связанных с переходом права собственности на движимую вещь, выбор правопорядка, которым будет регулироваться соответствующий трансфер, приобретает принципиальное значение. Это связано с тем, что, с учетом различий в подходах юрисдикций к регулированию этого вопроса, собственниками в зависимости от выбранного правопорядка могут быть признаны разные лица.

В настоящий момент общепризнанной является коллизионная привязка *lex rei sitae* (Basedow, 2022:54), которая в качестве критерия для осуществления выбора права, регулирующего трансфер права собственности, выдвигает место нахождения вещи. Указанная коллизионная привязка широко используется и закреплена на нормативном уровне в правопорядках подавляющего числа государств. Вместе с тем *lex rei sitae* в ряде случаев не справляется с разрешением мобильного конфликта – ситуации, когда в силу перемещения вещи в пространстве на регулирование претендуют несколько правопорядков.

С. Симеонидис указывает, что при решении мобильного конфликта не следует отдавать строгий приоритет какому-либо из правопорядков. Наоборот, необходимо принимать во внимание интересы и ожидания сторон и не допускать ситуаций, когда простое перемещение движимой вещи приводит к изменению прав на нее (Symeonides, 2016:584). Одним из наиболее ярких примеров, когда *lex rei sitae* не способен разрешить мобильный конфликт, является перемещение вещи из юрисдикции, основанной на системе передачи, в юрисдикцию, признающую консенсуальную модель трансфера права собственности.

Несмотря на значительное число трансграничных сделок, связанных с переносом права собственности на движимые вещи, и, как следствие, наличие запроса участников международного торгового оборота на создание адекватного регулирования на международном уровне, попытки по унификации этого вопроса

¹ Подробнее о различиях в моделях трансфера права собственности см., напр.: (Van Vliet, 2011).

не увенчались успехом. В ряде международных документов вообще не предлагалось каких-либо новых решений, а лишь подтверждалось действие коллизионной привязки *lex rei sitae*². Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года³, являющаяся одним из знаковых документов по международной купле-продаже, вообще отказалась от попыток какого-либо регулирования трансфера права собственности.

Таким образом, проблема, связанная с низкой эффективностью применения коллизионной привязки *lex rei sitae* в условиях мобильного конфликта, до настоящего момента не разрешена. Более того, в исследовательской литературе указывают на необходимость обеспечения более гибкого регулирования трансфера права собственности (Ochoa Jiménez, 2019:148). В связи с этим, особенно в условиях усложнения коммерческих контрактов, необходимость поиска альтернатив коллизионной привязки *lex rei sitae* приобретает существенное значение. Внедрение и последовательная реализация автономии воли может являться одним из таких решений. Ее сущность состоит в признании права сторон международной сделки своим соглашением выбирать право, которое будет регулировать трансфер права собственности.

Положения, допускающие такой выбор сторон, содержатся в нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы международного частного права, ряда правопорядков. Дозволение автономии воли объединяет правопорядки, таких, на первый взгляд, разных государств, как Швейцарская Конфедерация, Китайская Народная Республика, Бахрейн и Корейская Народно-Демократическая Республика⁴. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации также дозволяют сторонам международной сделки распространить право, применимое к основной сделке, на трансфер права собственности⁵.

Одной из центральных проблем, с которой сталкивается автономия воли при ее использовании в трансграничных вещно-правовых отношениях, является вопрос действия права, выбранного сторонами, в отношении третьих лиц. Российское и швейцарское регулирование прямо оговаривают, что выбранное право не противопоставляется третьим лицам. В правопорядках, где на нормативном уровне отсутствуют положения о том, что автономия воли не действует в отношении третьих лиц, данное ограничение формулируется на доктринальном уровне. Например, китайские исследователи указывают на недопустимость распространения выбранного сторонами права на третьих лиц со ссылкой на решение швейцарского правопорядка (Qingkun, 2017:931–933).

Вместе с тем проблематика действия автономии воли против третьих лиц на доктринальном уровне исследована недостаточно. Представляется, что право,

² См., напр.: Конвенция о законе, применимом к передаче права собственности при международной купле-продаже товаров 1958 г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. 1. Нью-Йорк, 1971. С. 14–18.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров / United Nations Commission on International Trade Law // Режим доступа: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf>, свободный (дата обращения: 09.06.2024).

⁴ С текстами иностранных нормативно-правовых актов в области международного частного права на русском языке можно ознакомиться в: (Plekhanov, 2021), а также на сайте функционирующей в НИУ ВШЭ Проектной группы «Современная конструкция международного частного права» по ссылке: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/>, доступ свободный.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

выбранное сторонами в качестве применимого к вопросам трансфера права собственности, может иметь эффект против третьих лиц. В этой связи целью настоящей статьи является оценка потенциала автономии воли с эффектом против третьих лиц как средства гармонизации и унификации регулирования трансфера права собственности.

Гармонизация регулирования трансфера права собственности

Гармонизация представляет собой процесс сближения национальных правопорядков в целях ликвидации различий правового регулирования отношений, либо, как минимум, снижения остроты противоречий между ними. В рамках рассматриваемой проблематики подходом, который можно выделить в качестве ориентира, является автономия воли сторон в отношении трансфера права собственности, действующая в том числе и против третьих лиц.

В контексте настоящей статьи вопрос гармонизации подходов различных правопорядков приобретает особое значение. В случае возникновения какого-либо спора относительно принадлежности движимой вещи требования в отношении нее заявляются, как правило, в суд того государства, где эта вещь находится. Соответствующий иск может быть заявлен также и в суд государства места нахождения ответчика, а судебное разбирательство между сторонами договора вообще может иметь место в юрисдикции, где предполагалось исполнение договора. Однако в этом случае потребуется признание вынесенного решения в юрисдикции, где оно будет исполняться, а именно: происходить изъятие спорной вещи. С учетом сроков проведения этой процедуры спорная вещь может быть перемещена в другую юрисдикцию.

Таким образом, обращение в суд того государства, где находится спорная вещь, является наиболее оптимальным решением. Этот суд будет применять положения национального международного частного права. В том случае, если правопорядок, где рассматривается спор, не позволяет сторонам отступать от действия коллизионной нормы и определять правопорядок, применимый к трансферу права собственности, то будет применяться коллизионная норма. Следовательно, заключение соглашений сторонами с применением автономии воли теряет какой-либо смысл.

Необходимо отметить, что существуют и иные решения. В качестве примера исследователи приводят германское право, которое принимает обратную ссылку, а его коллизионные нормы отсылают не к материальному праву, а к международному частному праву другого государства (von Hein, 2011:108–109). Следовательно, если правопорядок, к которому отсылает германская коллизионная норма, позволяет автономию воли, то этот подход будет воспринят судом в Германии. Однако подобные решения являются скорее исключением, чем распространенным подходом.

Центральный довод против допущения действия права, выбранного сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц, сводится к тому, что в данном случае могут быть нарушены права этих лиц. Вместе с тем при отсутствии у автономии воли эффекта против третьих лиц происходит расщепление регулирования права собственности, которое выражается в следующем. В рамках отношений между сторонами международной сделки с учетом выбранного ими права, регулирующего трансфер права собственности, собственником движимой вещи будет являться одно лицо, а для третьих лиц – другое, исходя из регулирования переноса права собственности в соответствии с правом места нахождения вещи.

Такое расщепление следует оценить негативным образом. Это связано с тем, что право собственности, не противопоставляемое третьим лицам, а следовательно, лишенное свойства абсолютности, крайне затруднительно признать вещным правом⁶. При этом именно абсолютным характером права собственности и обусловлена основная цель покупателя в скорейшем ее приобретении, которая состоит в том, чтобы исключить ситуацию, когда, например, кредиторы продавца могут обратить взыскание на продаваемую вещь. Особую актуальность указанный вопрос приобретает в случае, если покупная цена уже уплачена покупателем.

В иностранной доктрине подход к рассматриваемому вопросу более радикален и сводится к тому, что утверждать о существовании вещно-правовой автономии воли допустимо только в тех случаях, когда выбранное право противопоставимо третьим лицам (Van der Weide, 2011:55). С указанным подходом следует согласиться. В условиях, когда независимо от выбранного сторонами сделки права трансфер права собственности для третьих лиц, которые потенциально могут заявить какие-либо требования в отношении движимой вещи, определяется по коллизионной привязке *lex rei sitae*, указанный выбор вообще теряет какой-либо смысл.

В данном контексте возможность выбора сторонами соглашения права, регулирующего переход права собственности, но не противопоставляемого третьим лицам, является инструментом обеспечения баланса интересов сторон и их защиты от потенциальных злоупотреблений друг друга. Следует отметить, что подобные решения встречаются и в регулировании гражданско-правовых отношений в рамках национального правопорядка. В качестве примера можно привести положения пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. В соответствии с ними «с момента возникновения соответствующего основания для государственной регистрации права стороны такой сделки... не вправе в отношениях между собой недобросовестно ссылаться на отсутствие в государственном реестре записи об этом праве»⁷, несмотря на то, что право собственности на недвижимое имущество переходит в силу государственной регистрации этого права. Вместе с тем утверждать о возникновении в данном случае права собственности не приходится.

Таким образом, подлинная автономия воли в вещном праве может существовать только в условиях, когда сделанный сторонами выбор связывает своим действием и третьих лиц. В этой связи вопрос того, в каких случаях такой эффект автономии воли может допускаться, является наиболее дискуссионным аспектом в современной доктрине международного частного права. В актуальных исследованиях по рассматриваемому вопросу указывается, что выбор, сделанный сторонами, не должен негативным образом оказываться на правах третьих лиц (Lyubarskaya, 2020). Представляется целесообразным более подробно изучить случаи, где потенциально может иметь место такой негативный эффект, и оценить допустимость эффекта выбранного права против третьих лиц.

⁶ Зыкин И.С. Право, подлежащее применению к возникновению и прекращению вещных прав (§4) // Комментарий к разделу IV «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021. С. 231–239.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» / Верховный суд Российской Федерации // Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8435/>, свободный (дата обращения 23.06.2024).

Ситуация, когда собственник вещи, имеющий просроченные обязательства перед кредиторами, стремится как можно быстрее продать вещь третьему лицу в целях недопущения обращения взыскания на вещь этими кредиторами, является наиболее типичной. В данном случае сторонами в качестве права, применимого к трансферу права собственности, может быть избран правопорядок, позволяющий покупателю быстрее приобрести право собственности. Такие действия сторон, безусловно, ведут к ухудшению положения кредиторов, так как их возможности по удовлетворению принадлежащих им требований снижаются.

Однако в этом случае правопорядок, выбранный сторонами в целях регулирования трансфера права собственности, в любом случае должен обладать эффектом против третьих лиц. Это связано с тем, что выбор собственником вещи правопорядка, в соответствии с которым будет происходить отчуждение вещи, охватывается принадлежащим ему правомочием на распоряжение вещью (Flessner, 2011: 21, 26). При трансфере права собственности в рамках отношений без иностранного элемента стороны также могут оказывать воздействие на момент этого трансфера, например, ставить переход права в зависимость от оплаты, что будет иметь эффект против третьих лиц. Однако в этом случае стороны не вправе выбирать иностранный правопорядок для регулирования трансферта права собственности ввиду отсутствия иностранного элемента.

Таким образом, с учетом абсолютного характера права собственности, реализация правомочия на распоряжение вещью подобным образом связывает и третьих лиц, даже при том условии, что их положение ухудшается. На первый взгляд, такое решение ведет к тому, что третий лица остаются без должной защиты в случае подобных злоупотреблений собственником вещи, являющегося их должником. Вместе с тем отсутствие способов защиты прав кредиторов, связанных с непосредственным воздействием на вещно-правовые отношения, не означает их отсутствие в принципе.

Представляется целесообразным провести параллели с решением указанного вопроса при совершении собственником вещи сделки в ущерб кредиторам в условиях отсутствия иностранного элемента. В этом случае кредитор имеет право признать такую сделку недействительной, в том числе и вне процедуры банкротства. Внеконкурсное оспаривание допускается, например, и по российскому праву, что находит свое подтверждение в актуальной судебной практике⁸. В международном контексте при совершении собственником вещи сделки в ущерб кредиторам, в том числе и путем выбора для регулирования трансфера права собственности определенного правопорядка, должен использоваться аналогичный подход. При этом признание сделки недействительной вне процедуры банкротства недостаточно явно демонстрирует механизм действия указанных коллизионных норм в международном ключе, так как указанный инструмент обширно не используется даже в национальных правопорядках.

Наиболее показательным является пример трансграничного банкротства. В иностранной исследовательской литературе прямо указывают, что вопросы, связанные с трансфертом права собственности при банкротстве, регулируются специальными коллизионными нормами (Pogerson, 2013:393). В данном случае в соответствии с

⁸ См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от «24» мая 2021 г. по делу А44-7028/2019 / Электронное правосудие // Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d7bc1920-3990-4445-b28f-c28872af39bc/c7cd418d-e12f-4a66-a728-d35c3c9d9a25/A44-7028-2019-20210524_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 26.06.2024).

коллизионной привязкой *lex fori concursus* будет выбираться правопорядок, определяющий основания и порядок оспаривания сделки. Этот же правопорядок будет определять и последствия недействительности сделки, в том числе и порядок возврата вещи собственнику, совершившему ее отчуждение в ущерб кредиторам.

Таким образом, подобное решение в целях обеспечения баланса между защитой прав кредиторов и последовательным признанием действия автономии воли в отношении третьих лиц представляется более эффективным. В рассмотренной ситуации злоупотребление должника состоит не в самом выборе того или иного правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, а в намерении причинить ущерб кредиторам.

Инструментом противодействия подобным злоупотреблениям является признание сделки недействительной, которое, как в рамках трансграничного банкротства, так и вне этой процедуры, будет осуществляться в соответствии с коллизионными нормами, применимыми для такого признания (Flessner, 2011:29). Наличие каких-либо пороков сделки, являющихся основанием для признания сделки недействительной, охватывает в том числе и волеизъявление сторон в отношении вещного статута. Следовательно, автономия воли в части выбора права, примененного к трансферу права собственности, не нарушает права третьих лиц, так как они обладают инструментарием защиты.

Еще одной ситуацией, требующей рассмотрения, является отчуждение вещи лицом, которое не является ее собственником. Такие обстоятельства могут возникнуть в том случае, если указанная вещь была украдена или иным образом выбыла из владения собственника помимо его воли. Как было показано выше, возможность выбора права, регулирующего трансфер права собственности, является следствием наличия у собственника правомочия по распоряжению принадлежащей ему вещью. В рассматриваемой ситуации лицо, которое отчуждает движимую вещь, ее собственником не является, а следовательно, такой возможностью не обладает.

Вместе с тем существует позиция, что право, применимое к трансферу права собственности, которое было выбрано сторонами при отчуждении вещи лицом, не являющимся ее собственником, может быть не только признано регулирующим отношения между этими сторонами, но и противопоставлено третьим лицам. Возможность сохранения установленного сторонами регулирования в рамках этого подхода детерминировано добросовестностью приобретателя движимой вещи, в том числе в части выбранного права по аналогии с приобретением права собственности по добросовестности в рамках национальных правопорядков (Lyubarskaya, 2020:141–142).

К подобному решению следует отнестись критически, так как приобретение по добросовестности является первоначальным способом приобретения права. В этом случае право собственности приобретается не по волеизъявлению сторон, а в силу указания закона при наличии определенного юридического состава. Следовательно, придавать какой-либо юридически значимый эффект соглашению сторон, направленному на регулирование трансфера права собственности, при его приобретении по добросовестности не представляется возможным.

Вместе с тем некоторые исследователи указывают, что право, выбранное приобретателем и лицом, осуществляющим отчуждение вещи, но при этом не являющимся ее собственником, в качестве регулирующего вопросы приобретения права собственности, может регулировать приобретение права собственности по добросовестности с эффектом против третьих лиц, в том числе и собственника вещи. Такое

решение обосновывается тем, что собственник вещи зачастую не знает места нахождения вещи, украденной или иным образом выбывшей из его владения помимо воли, а, следовательно, применение коллизионной привязки *lex rei sitae* может быть затруднительным (Flessner, 2011:30–33). В рамках данного подхода удобство определения правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, берет верх над догматическими соображениями.

Однако в связи с тем, что такое решение совершенно не принимает во внимание правовую природу приобретения по добросовестности как первоначального способа приобретения права, представляется целесообразным поиск альтернативных вариантов. Одним из таких вариантов является определение правопорядка, регулирующего приобретение права собственности приобретателем от неправомочного продавца, по праву местонахождения вещи в тот момент, когда она выбыла из владения собственника, так как он, как правило, может определить местонахождения вещи в указанный момент.

Двойная продажа, а именно заключение собственником вещи в отношении ее двух договоров купли-продажи, также вызывает интерес в контексте рассмотрения эффекта вещно-правовой автономии воли против третьих лиц. В данном случае возникает конкуренция между приобретателями вещи. Целесообразно разграничить и рассмотреть отдельно двойную продажу, когда только заключены два договора купли-продажи и вещь находится у продавца, и, когда при наличии двух заключенных договоров вещь передается одному из покупателей.

В первом случае вне зависимости от выбранного в соглашении правопорядка, регулирующего трансфер права собственности, он не может быть осуществлен без передачи вещи. Это связано с тем, что как система передачи, так и консенсуальная система в ситуации двойной продажи требуют передачи владения для трансфера права собственности. В системе передачи подход, что при двойной продаже право собственности получает приобретатель, владеющий вещью, является устоявшимся и обусловлен тем, что именно передача является необходимым элементом для возникновения права собственности. По французскому праву, являющемуся образцом консенсуальной системы, в случае двойной продажи право собственности также переходит к лицу, получившему вещь во владение, что, по мнению В. Сэгерта, аналогично решению системы передачи (Siegert, 2011:303). Следовательно, ни одна из моделей трансфера права собственности не дает вещно-правового эффекта только соглашению в условиях двойной продажи. В связи с отсутствием вещного эффекта как такового рассуждать о действии вещного эффекта против третьих лиц не приходится.

Во втором случае при наличии двух заключенных договоров в отношении одной и той же вещи она передается продавцом в пользу одного из приобретателей. В данном случае фокус проблемы меняется и сводится не к конкуренции между приобретателями, а к целесообразности изъятия вещи из владения одного приобретателя в пользу другого. Представляется, что в контексте международных сделок приобретатель, получивший вещь во владение, должен иметь преимущество перед другим приобретателем вещи, что является общим подходом моделей трансфера права собственности.

Таким образом, какие-либо отличия в решении проблематики двойной продажи в разных моделях трансфера права собственности отсутствуют. Это означает, что независимо от правопорядка, выбранного для регулирования трансфера права

собственности, правовой результат для третьих лиц будет зависеть от того, в чье владение поступила вещь.

Рассмотренные ситуации позволяют прийти к выводу, что автономия воли в выборе права, регулирующего трансфер права собственности, по общему правилу обладает эффектом в отношении третьих лиц даже в том случае, если их положение несколько ухудшается. В случае существенных нарушений прав третьих лиц они обладают инструментарием защиты, который при этом не является вещно-правовым. В некоторых ситуациях вещно-правовая автономия вообще не может иметь места.

Вместе с тем международному сообществу не следует останавливаться на создании гармонизированного регулирования трансфера права собственности на основе допущения автономии воли в каждом из национальных правопорядков. Такое решение все равно требует обращения к нормам конкретного государства, что в любом случае несколько усложняет взаимодействие между участниками международной сделки. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть возможность создания унифицированного регулирования в целях преодоления проблематики, связанной с трансфером права собственности.

Унификация регулирования трансфера права собственности

Унификация представляет собой более узкое явление, чем гармонизация, и состоит в том числе в создании государствами международных договоров, которые обеспечивают единообразное регулирование тех или иных вопросов. Имеющиеся международные договоры не позволяют эффективно разрешать сложности, возникающие в ходе осуществления трансфера права собственности на движимые вещи в международных сделках. Они либо используют коллизионный метод, который не всегда способен разрешить мобильный конфликт, либо вовсе избегают регулирования рассматриваемого вопроса.

При этом необходимо подчеркнуть, что международно-правовое регулирование трансфера права собственности в настоящий момент характеризуется полным отсутствием актов материально-правовой унификации. В исследовательской литературе указывают, что различные модели трансфера права собственности обладают крайне существенными различиями (Siegert, 2011:280). Именно этим зачастую и объясняется тот факт, что международному сообществу до настоящего момента не удалось создать ни одного акта материально-правовой унификации трансфера права собственности. С другой стороны, некоторые исследователи указывают, что различия в правопорядках сильно преувеличены и во многом связаны с упрощенными представлениями юристов о функционировании правопорядков (Sakko, 2008:183–184). В этой связи оценка потенциала создания унифицированного материально-правового регулирования вызывает особый интерес.

Аргумент о том, что материально-правовая унификация вопросов трансфера права собственности невозможна в силу наличия непреодолимых различий в моделях трансфера права собственности, можно поставить под сомнение, в том числе и через призму эмпирического опыта. Например, международному сообществу удалось достичь определенных значимых успехов в вопросе создания унифицированного регулирования обеспечительных сделок, несмотря на наличие существенных различий в подходах национальных правопорядков.

Необходимо отметить, что проблематика вещных обеспечительных прав и трансфера права собственности в международно-правовом измерении в целом

сходна. Правопорядок, в соответствии с которым регулируются обеспечительные права, определяется путем использования коллизионной привязки *lex rei sitae*. Вместе с тем правовой режим обеспечительных прав в каждом правопорядке обладает своими уникальными особенностями. Например, по германскому праву залог возможен только при передаче владения залогодержателю. В том случае, если стороны обеспечительной сделки хотят оставить движимую вещь, являющуюся предметом обеспечения, во владении должника, то они используют обеспечительную собственность⁹. В других правопорядках, например, в России, владение предметом залога может оставаться у должника. Следовательно, возможность признания залога, установленного в России, при перемещении вещи в Германию вызывает целый комплекс вопросов.

В этих условиях обеспечение, установленное в одном правопорядке, может быть не признано в другом в связи с тем, что новый правопорядок просто не знает обеспечения такого вида (Lukas, 2006:95). В данной ситуации проявляется произвольный характер действия коллизионной привязки *lex rei sitae*. Ее использование приводит к тому, что при перемещении вещи в новую юрисдикцию обеспечительное право, принадлежащее кредитору, может быть вообще утрачено или, в случае его признания в новой юрисдикции, существенным образом изменено.

Исходя из изложенного выше, представляется необходимым проанализировать некоторые унифицирующие акты в области обеспечительных сделок, решения которых потенциально могут быть заимствованы в целях унификации трансфера права собственности в международных сделках. Одним из наиболее значимых унифицирующих актов в области обеспечительных прав является Кейптаунская конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г.¹⁰. Ее положения направлены на создание единого режима обеспечительных прав, в том числе и вещных. Правовой режим предоставляет настолько существенные экономические выгоды, что государства вынуждены отходить от ряда принципиальных национально-правовых решений в области обеспечительных прав (Lazareva, 2014:74–75). При этом следует признать, что данная конвенция регулирует обеспечение на весьма специфический и ограниченный перечень объектов. Вместе с тем данные объекты крайне мобильны и, именно применительно к ним, *lex rei sitae* зачастую не способен адекватно решить мобильный конфликт.

Одной из центральных целей принятия Кейптаунской конвенции являлось создание единообразного регулирования международных обеспечительных прав, которое исключало бы необходимость обращения к национальным правопорядкам по аспектам, входящим в предмет ее регулирования¹¹. Конвенция содержит несколько решений, обладающих потенциалом для заимствования при исследовании потенциала создания унифицированного регулирования трансфера права собственности. Представляется целесообразным рассмотреть их более подробно.

Одним из таких решений являются положения пункта 1 статьи 5 Кейптаунской конвенции, которые указывают, что при ее толковании «должны приниматься во

⁹ Подробнее об обеспечительных правах по германскому праву см.: (Weber, 2006).

¹⁰ Полный текст на английском см.: Convention on International Interests in Mobile Equipment / UNIDROIT // Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/security-interests/cape-town-convention/> (дата обращения: 13.06.2024).

¹¹ Practitioners' Guide to the Cape Town Convention and The Aircraft Protocol / Aviation Working Group // Режим доступа: <https://awg.aero/wp-content/uploads/2020/10/Practitioners-Guide-to-the-Cape-Town-Convention-and-Aircraft-Protocol-October-2020.pdf> (дата обращения: 14.07.2024).

внимание... ее международный характер и необходимость содействия ее единообразному и упорядоченному применению»¹². На основе данных положений делается вывод об автономном характере Кейптаунской конвенции. Например, Р. Гуд, являющийся одним из виднейших специалистов по Кейптаунской конвенции, указывает, что международная гарантия устанавливается на основании Конвенции даже в том случае, если применимое национальное законодательство не признает обеспечение такого рода (Goode, 2022:9). Такое решение исключает какое-либо воздействие национального правопорядка на обеспечение, установленное соглашением сторон на основании рассматриваемой конвенции и в соответствии с ее положениями.

Международный характер Кейптаунской конвенции проявляется и в использовании применимого национального права. Согласно пункту 2 статьи 5 конвенции аспекты, находящиеся в сфере действия конвенции, но не затронутые ею, регулируются «в соответствии с общими принципами, на которых основывается Конвенция, или, при отсутствии таких принципов, в соответствии с применимым правом»¹³. Национальное регулирование того или иного государства носит резервный характер (Kreuzer, 2013:158) и может быть использовано только в самом крайнем случае (Goode, 2019:196,208). Данное решение также направлено на снижение воздействия подходов национальных правопорядков на установленное обеспечение. В некоторых случаях Кейптаунская конвенция напрямую отсылает к применимому национальному правопорядку (Kreuzer, 2013:158). Однако указанные положения регулируют сопутствующие вопросы, например, действительность заключенного соглашения, а не проблематику обеспечения.

Следовательно, центральное место при установлении обеспечения по Кейптаунской конвенции занимают договоренности, достигнутые сторонами. Пределы усмотрения сторон крайне широки, так как обеспечение, установленное ими, должно соответствовать требованиям статей 2 и 7 Конвенции, которые не устанавливают каких-либо существенных ограничений по формам обеспечения. Более того, с учетом международного характера Кейптаунской конвенции стороны также не связаны национальными правопорядками, положения которых могут не допускать те или иные формы обеспечения. Таким образом, именно стороны выбирают конкретную форму обеспечения, которая будет существовать автономно на основании Конвенции, и определяют порядок ее функционирования.

Применительно к трансферу права собственности на движимые вещи может быть создан подобный правовой режим, носящий автономный от национального регулирования характер и предполагающий определение порядка трансфера права собственности соглашением сторон. Создание унифицированных норм, устанавливающих автономию воли в качестве основного регулятора трансфера права собственности, позволит обойти различия, связанные с подходами национальных правопорядков к регулированию этого вопроса. Это связано с тем, что стороны будут самостоятельно, основываясь на той или иной системе передачи права собственности, устанавливать порядок трансфера права собственности.

В случае создания подобного правового режима проблематика действия заключенного между сторонами соглашения, регулирующего трансфер права

¹² Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.ctnd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

¹³ Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.ctnd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

собственности, против третьих лиц не теряет своей актуальности и требует решения. Признание наличия у заключенного соглашения эффекта против третьих лиц, в связи с наличием у них инструментов для защиты своих прав, что было рассмотрено выше, является одним из вариантов решения указанной проблемы. Вместе с тем Кейптаунской конвенцией предлагается альтернативный подход к решению данного вопроса. Целесообразно рассмотреть ее положения, касающиеся возможности противопоставления обеспечительного права третьим лицам.

В исследовательской литературе указывают, что одним из принципиальных решений Кейптаунской конвенции является создание на международном уровне системы регистрации международных гарантит, которая позволяет в полной мере использовать способы защиты, предусмотренные Конвенцией (Lazareva, 2021:76). Общие условия осуществления международной регистрации гарантит регулируются положениями статей 17–26 Конвенции, а технические вопросы детализируются в ее протоколах.

Именно факт регистрации международной гарантии в силу положений статей 29–30 Конвенции придает ей эффект противопоставимости третьим лицам, в том числе и в рамках банкротства. С учетом положений пункта В части 3 статьи 31 Конвенции, согласно которым приобретатель объекта получает его «свободным от обременения гарантитой, не зарегистрированной на данный момент указанным образом, даже если ему фактически было известно о наличии таковой»¹⁴, незарегистрированная гарантита не противопоставляется приобретателю в случае передачи ему объекта, независимо от его добросовестности. Условием для использования специальных способов защиты, предусмотренных конвенцией, является факт регистрации гарантии в международном регистре (Lazareva, 2014:74). Таким образом, проблематика действия гарантит в отношении третьих лиц существенным образом снижается.

К настоящему моменту на практике международная регистрационная система международных гарантит функционирует в отношении авиационного оборудования на основании Протокола по авиационному оборудованию, а также в отношении железнодорожного подвижного состава на основании Люксембургского железнодорожного Протокола, вступившего в силу 08.03.2024 г.¹⁵ Вступление в силу еще одного протокола к Кейптаунской Конвенции свидетельствует о том, что государства постепенно признают эффективность предлагаемых решений и расширяют степень участия в Конвенции. Вместе с тем, с учетом того, что регистрационная система в отношении железнодорожного подвижного состава начала свое функционирование совсем недавно, представляется целесообразным проанализировать регистрационную систему на примере Протокола по авиационному оборудованию.

В соответствии с пунктом 1 статьи XX Протокола по авиационному оборудованию, раскрывающим положения пункта 6 статьи 19 Кейптаунской Конвенции, авиационное оборудование, в отношении которого устанавливается та или иная гарантита, индивидуализируется по модели, наименованию изготовителя и его серийному

¹⁴ Конвенция о международных гарантитах в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.ctnd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁵ Полный текст на английском см.: Luxembourg protocol to the convention on international interests in mobile equipment on matters specific to railway rolling stock / UNIDROIT. Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/security-interests/rail-protocol/> (дата обращения: 22.07.2024).

номеру¹⁶. Ведение реестра международных гарантит осуществляется компанией Aviareto. Доступ к указанному реестру возможен через интернет-сайт компании при условии предварительной регистрации на нем¹⁷. Таким образом, положения Конвенции и рассматриваемого Протокола позволяют третьим лицам без приложения значительных усилий проверить факт установления конкретной гарантии в отношении конкретного объекта.

Представляется, что подобный режим может быть установлен и в отношении трансфера права собственности на определенный ряд движимых вещей. В этом случае сторонам, в целях придания соглашению действия против третьих лиц, потребуется указывать в соответствующем реестре объект, который является предметом договора купли-продажи, а также информацию о правопорядке, регулирующем трансфер права собственности. Внедрение и дальнейшее ведение электронной площадки, позволяющей получать необходимую информацию, как показывает опыт Кейптаунской конвенции, не является невозможным или затруднительным. До момента внесения информации в соответствующий реестр правопорядок, выбранный сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц не действует.

Необходимо отметить, что Кейптаунская конвенция применяется, в том числе и к купле-продаже объектов, входящих в предмет ее регулирования. Согласно положениям статьи 41 она «применяется к продаже или условной продаже объекта, как это предусмотрено в Протоколе с любыми изменениями, которые могут быть в него внесены»¹⁸. Согласно положениям статей III и V Протокола по авиационному оборудованию к договорам купли-продажи применяются положения Протокола, в том числе касающиеся регистрации. Таким образом, в Кейптаунской конвенции уже сделана попытка реализации описанного регистрационного режима в отношении договоров купли-продажи.

Следует признать, что использование подобной регистрационной системы в части трансфера права собственности не является универсальным решением, так как подобный учет может осуществляться только в отношении индивидуально-определенных вещей, в то время как в частных трансграничных отношениях преобладает торговля крупными партиями товаров. Более того, следует принимать во внимание и экономическую эффективность ведения подобного учета. В этой связи такой учет целесообразно вести в отношении ограниченного числа движимых вещей с весьма высокой коммерческой стоимостью. Вместе с тем подобное решение, несмотря на указанные недостатки, наряду с рассмотренной в настоящей статье гармонизацией регулирования на основе автономии воли, позволяет урегулировать действие права, выбранного сторонами для регулирования трансфера права собственности, в отношении третьих лиц.

¹⁶ Протокол по авиационному оборудованию к Конвенции о международных гарантитах в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243511?marker=64U0IK> (дата обращения: 20.07.2024).

¹⁷ Международный реестр гарантит в отношении авиационного оборудования ведет компания Aviareto см. International registry of mobile assets / Aviareto. Режим доступа: <https://www.internationalregistry.aero/ir-web/> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁸ Конвенция о международных гарантитах в отношении подвижного оборудования / Кодекс. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 15.07.2024).

Заключение

В заключение необходимо отметить, что в условиях, когда правопорядки не могут достичь единобразия в регулировании проблематики определения момента трансфера права собственности, в силу чего коллизионная привязка *lex rei sitae* не обеспечивает предсказуемость гражданско-правового оборота, следует позитивно оценить автономию воли сторон в качестве инструмента решения указанной проблематики. Признание права сторон своим соглашением определять правопорядок, регулирующий трансфер права собственности, позволяет исключить необходимость обращения к *lex rei sitae*.

Гармонизация национальных правопорядков на базе автономии воли является одним из способов повышения эффективности регулирования трансфера права собственности на движимые вещи по трансграничным сделкам. При этом внедрение подобных положений в одной или нескольких юрисдикциях не будут иметь какого-либо существенного значения, так как споры в отношении движимых вещей, как правило, рассматриваются по месту нахождения вещи, а суд, рассматривающий дело, применяет нормы национального международного-частного права. При отсутствии дозволения сторонам своим соглашением определять момент трансфера права собственности, в нормах государства, где рассматривается дело, факт его заключения потеряет какой-либо смысл. Следовательно, автономия воли может быть эффективным инструментом только в случае ее имплементации в значительном числе правопорядков.

Эффект соглашения сторон, регулирующего момент трансфера права собственности на движимые вещи, в отношении третьих лиц является одной из наиболее острых проблем. Однако расщепление права собственности на существующее между сторонами и существующее в отношении третьих лиц не может являться оптимальным решением. Следовательно, автономия воли, безусловно, должна иметь эффект против третьих лиц.

Центральный аргумент противников такого решения состоит в том, что подобные действия сторон могут ущемлять интересы третьих лиц, следует оценить критически. Детальный анализ ситуаций, которые зачастую приводятся в качестве примера случаев, где могут быть нарушены права третьих лиц, позволяет прийти к выводу, что их права тем или иным образом защищены. Факт того, что в некоторых случаях третьим лицам необходимо использовать специализированные способы защиты, не свидетельствует о нарушении их прав.

В связи с этим юридической доктрине необходимо сосредоточиться на более глубоком осмыслении допустимости действия против третьих лиц соглашения сторон, регулирующего момент трансфера права собственности на движимые вещи. Это позволит имплементировать соответствующие положения в национальные законодательства различных государств либо наполнить уже существующие нормы, позволяющие автономию воли, смыслом, направленным на допущение ее действия против третьих лиц.

Унификация является еще одним способом преодоления проблематики трансфера права собственности на движимые вещи в международных сделках. Попытка унификации подхода к этому вопросу путем создания единого режима трансфера вещных прав на движимые вещи до настоящего момента не увенчалась успехом. В связи с этим именно автономия воли приобретает серьезный потенциал в качестве

инструмента унификации, так как требует от государств всего лишь признания права сторон заключать подобные соглашения.

В этих условиях необходимость создания единого режима трансфера вещных прав отпадает, так как стороны получают право своим соглашением выбирать конкретный правовой режим. Следовательно, международный документ должен признавать соглашение сторон основным регулятором отношений по трансферу права собственности и устанавливать общие рамки для таких соглашений, аналогично тому, как Кейптаунская конвенция делает это в отношении обеспечения.

Регистрационная система, предлагаемая Кейптаунской конвенцией, является эффективным способом обеспечения защиты интересов третьих лиц. Электронный реестр в сети Интернет, доступный любому лицу, следует признать крайне важным аспектом указанной Конвенции. Данное решение может быть заимствовано применительно к купле-продаже. Более того, в указанной Конвенции уже предпринята попытка распространить ее действие на сделки по купле-продаже некоторых видов оборудования. Вместе с тем сфера применения подобного решения ограничена только индивидуально-определенными вещами с высокой стоимостью.

Таким образом, урегулирование проблематики трансфера права собственности на основе автономии воли с эффектом против третьих лиц является реализуемым на практике. Оно может осуществляться как путем гармонизации, так и путем унификации. В настоящей статье было продемонстрировано, что каждый из этих путей обладает своими достоинствами и недостатками.

Гармонизация позволяет регулировать трансфер права собственности на широкий круг объектов, однако необходимы скоординированные усилия государств, как между собой, так с юридической доктриной, что зачастую может быть затруднительным. Унификация требует принятия международного документа, признающего автономию воли сторон в качестве средства регулирования трансфера права собственности, однако рассмотренные в статье решения не носят универсального характера. В связи с этим важнейшей задачей является поиск оптимального баланса между ними, а также выявление возможностей по использованию достоинств каждого из них, что может быть рассмотрено в рамках отдельной публикации.

References / Список литературы

- Basedow, J. (2022) *Party autonomy in the regulation of international relations*. Trans. Yumashev, Y.M. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Базедов Ю. Автономия воли в регулировании международных отношений / пер. с англ. Ю.М. Юмашева. М. : Норма, 2022. 136 с.
- Flessner, A. (2011) Choice of Law in International Property Law – New Encouragement from Europe. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers, pp. 11–40.
- Goode, R. (2019) The Cape Town Convention and Its Protocols: Challenges in Defining the Convention's Sphere of Application In: Markalova, N.G. & Muranov, A.I. (eds.) *Arbitration and Regulation of International Trade : Russian, Foreign and Cross-Border Approaches. Liber Amicorum in Honor of the 70th Anniversary of A.S. Komarov*. Moscow, Statut Publ., pp. 187–212.
- Goode, R. (2022) Issues of Interpretation under the Cape Town Convention and its Protocols. *Cape Town Convention Journal*. 8 (1), 3–21.

- Kreuzer, K.F. (2013) Jurisdiction and choice of law under the Cape Town Convention and the Protocols thereto. *Cape Town Convention Journal*. 2 (1), 149–164. <https://doi.org/10.5235/204976113808311448>
- Lazareva, T.P. (2014) Legal regulation of banking obligations in the field of international trade In: Doronina, N.G. & Khlestova, I.O. (eds.) *The certain types of obligations in private international law*. 2nd ed. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17864#aPLmfFUWeiSC8pJ61> [Accessed 14th June 2024]. (in Russian).
- Лазарева Т.П. Правовое регулирование банковских обязательств в сфере международного торгового оборота // Отдельные виды обязательств в международном частном праве : монография / отв. ред. Н.Г. Доронина, И.О. Хлестова. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17864#aPLmfFUWeiSC8pJ61> (дата обращения: 14.06.2024).
- Lazareva, T.P. (2021) The current trends of legal regulation of security transactions in the acts of international unification. In: Doronina, N.G. & Marysheva, N.I. (eds.) *Codification of Private International Law and the Problems of International Unification: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference in Memory of A.L. Makovskiy*. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., pp 70–79. (in Russian).
- Лазарева Т.П. Современные тенденции правового регулирования сделок в международных унификационных актах // Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации : сб. статей по материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти А.Л. Маковского / отв. ред. Н.Г. Доронина, Н.И. Марышева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. С. 70–79.
- Lukas, M. (2006) Effect of Security Rights vis-a-vis Third Person. In: Drobniq, U., Snijders, H.J., Ziproff E.-J. (eds.) *Divergences of Property Law, an Obstacle to the Internal Market*. Munich, Sellier European Law Publishers., pp. 95–105.
- Lyubarskaya, T.S. (2020) *Party autonomy in determining the statute of real property in private international law*. Diss ... cand. Legal of Sciences. Moscow, MSU. (in Russian).
- Любарская Т.С. Автономия воли при определении вещного статута в международном частном праве : дис. канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2020. 214 с.
- Ochoa Jiménez, M.J. (2019) Normas de derecho internacional privado en materia de bienes: la regla lex rei sitae en América Latina y Colombia. [Rules of private international law on property: the lex rei sitae rule in Latin America and Colombia]. *Revista de Derecho Privado*. 37, 121–151. (in Spanish). <https://doi.org/10.18601/01234366.n37.07>
- Plekhanov, V.V. (2021) *National Codifications*. Moscow, JSC “First model printing house”. (In Russian).
- Плеханов В.В. Международное частное право : сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В.В. Плеханов. М. : 2021. 1112 с.
- Pogerson, P. (2013) *Collier's Conflicts of Laws*. 4th ed. New York, Cambridge University Press.
- Qingkun, X. (2017) The Codification of Conflicts Law in China: A Long Way to Go. *American Journal of Comparative Law*. 65, 919–961. <https://doi.org/10.1093/ajcl/avx044>
- Sakko, R. (2008) Transfer of ownership of movable property in the light of comparative law. In: Tuzov, D.O. (eds.) *Property Rights: System, Content, Acquisition: Collection of Scientific Papers in Honor of Professor B.L. Haskelberg*. Moscow, Statut Publ., pp. 163–185 (in Russian).
- Сакко Р. Переход права собственности на движимое имущество в свете сравнительного права // Вещные права: система, содержание, приобретение : сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / под ред. Д.О. Тузова. М. : Статут, 2008. 464 с.

- Siegert, W. (2011) The consensual system and the transfer system in European private law – consensus on transfer. In: Dozhdev, D.V. (eds.) *Yearbook of Comparative Law*. Moscow, Statut Publ., pp. 280–308. (in Russian).
- Сэгерт В. Консенсуальная система и система передачи в европейском частном праве – консенсус в отношении передачи // Ежегодник сравнительного права / отв. ред. Д.В. Дождев. М. : Статут, 2011. С. 280–308.
- Symeonides, S. (2016) *Choice of law*. [Electronic edition]. New York, Oxford University Press.
- Van der Weide, J. (2011) Party Autonomy in Dutch International Property Law. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers. pp. 41–58.
- Van Vliet, L.P.W. (2011) Comparative legal aspects of the transfer of rights to movable things: Classification of systems of transfer of rights. In: Dozhdev, D.V. (eds.) *Yearbook of Comparative Law*. Moscow, Statut Publ., pp. 228–246. (in Russian).
- Ван Влиет Л.П.У. Сравнительно-правовые аспекты перехода прав на движимые вещи: классификация систем перехода прав // Ежегодник сравнительного права / отв. ред. Д.В. Дождев. М.: Статут, 2011. С. 228–246.
- Von Hein, J. (2011) Party Autonomy in International Property Law: A German Perspective. In: Westrik, R. & van der Weide, J. (eds.) *Party Autonomy in International Property Law*. Munich, Sellier European law publishers., pp. 103–118.
- Weber, H. (2006) *Kreditsicherungsrecht. [Credit security law]*. Munich, Verlag C.H. Beck München Publ. (in German).

Сведения об авторах:

Леонтьева Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3

ORCID: 0000-0001-7671-1544

e-mail: eleonteva@hse.ru

Олейников Михаил Антонович – аспирант, департамент правового регулирования бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 101000, Российская Федерация, 109028, г. Москва, Большой Трехсвятительский переулок, д. 3

ORCID: 0009-0006-3635-7740; SPIN-код: 7931-4970

e-mail: maoleynokov@hse.ru

About the authors:

Elena A. Leontieva – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7671-1544

e-mail: eleonteva@hse.ru

Mikhail A. Oleynikov – postgraduate student of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University); 3 Bolshoy Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation

ORCID: 0009-0006-3635-7740; SPIN-code: 7931-4970

e-mail: maoleynokov@hse.ru